

**Библиотека
психоанализа**

**Рональд
Бриттон**

**Майкл
Фельдман**

**Эдна
О'Шонесси**

Э

ДИПОВ КОМПЛЕКС СЕГОДНЯ

Клинические аспекты

**Майкл Фельдман
Рональд Бриттон
Эдна О'Шонесси**

**Эдипов комплекс сегодня.
Клинические аспекты**
Серия «Библиотека психоанализа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66211470

*Эдипов комплекс сегодня. Клинические аспекты: Когито-Центр;
Москва; 2012*

ISBN 978-5-89353-339-2

Аннотация

В книге помещена работа Мелани Кляйн (1945), а также развивающие ее идеи доклады Р. Бриттона, М. Фельдмана и Э. О'Шонесси на конференции по проблемам эдипова комплекса (1987). В сочетании с вводной статьей Х. Сигал данный подбор текстов дает объемную картину того, как изменились взгляды психоаналитиков на эдипов комплекс.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Глава 1	18
Введение	18
Отрывки из истории случая, иллюстрирующие эдипово развитие мальчика	20
Ранние тревоги, препятствующие эдипову развитию	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Под редакцией.
Дж. Стайнера**
Эдипов комплекс сегодня.
Клинические аспекты

Ronald Britton

Michael Feldman

Edna O'Shaughnessy

THE OEDIPUS COMPLEX TODAY

Clinical Implications

Edited by John Steiner

В оформлении использован рисунок *первого российского психоаналитика И. Д. Ермакова, любезно предоставленный его дочерью М. И. Давыдовой*

© Melanie Klein Trust, 1989

© Edna O'Shaughnessy, 1989

Reprinted 7 times

Original edition published by Karnac Books Ltd, represented
by The Cathy Miller Foreign Rights Agency, London

© Когито-Центр, перевод на русский язык, 2012

Предисловие

Посвященная Мелани Кляйн конференция по проблемам эдипова комплекса, которая прошла в сентябре 1987 года, была организована совместными усилиями профессора Дж. Сандлера из психоаналитического отдела Лондонского университетского колледжа и миссис Руфь

Ризенберг-Малькольм, представлявшей Фонд Мелани Кляйн. Результаты этой конференции были признаны настолько успешными, что Фонд принял решение опубликовать три представленных там доклада, которые, по общему мнению, всеобъемлюще отразили современный этап развития кляйнианских взглядов на эдипов комплекс.

Чтобы представить современные точки зрения в соответствующем историческом контексте, мы приняли решение напечатать рядом с ними статью самой Мелани Кляйн «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» (1945). Кроме того, д-р Ханна Сигал написала достаточно объемное введение, где она прослеживает связи между статьей Кляйн и опубликованными здесь современными работами. Она также определяет значение других посткляйнианских работ, прежде всего, тех, которые были написаны Бионом.

Джон Стайнер

Тавистокская клиника

Введение

Ханна Сигал

С момента открытия Фрейдом эдипова комплекса он считается основным конфликтом человеческой психики – местом средоточия противоречивых импульсов, фантазий, тревог и защит. Поэтому в процессе психоаналитической работы ему уделяется первостепенное внимание. Однако порой ошибочно полагают, что теория Кляйн касается исключительно отношения младенца к груди, а роль отца и эдипов комплекс не имеют для нее столь существенного значения. На самом деле, тем, кто знаком с ее трудами, хорошо известно, что Кляйн была первооткрывателем ранних форм Супер-Эго и эдипова комплекса, предшествующих этапу примата гениталий. Она обнаружила, что существуют примитивные формы эдипова комплекса и что «догенитальный» не обязательно значит «доэдипов». Она считала, что отец – как реальный, так и фантазийный – важен для ребенка с самого начала жизни. Начав работать с детьми, она с удивлением обнаружила эдиповы фантазии и связанные с ними сильные тревоги у детей чуть старше двух лет. Эдиповы фантазии вызывают страх перед примитивными преследующими фигурами – материнской, отцовской, комбинированной фигурой, – находящимися зачастую в самом центре фобий,

кошмаров и ночных страхов. Эти фантазийные фигуры через проекции инфантильной сексуальности и садизма в соответствии со стадией психосексуального развития ребенка являли свои садистические оральные, уретральные и анальные черты и угрожали кастрацией. Она рассматривала фигуру объединенных сексуальных родителей как важный фактор психотических тревог. Эта фантазийная фигура частично является отрицанием полового акта родителей, соединяющим двоих в одну чудовищную фигуру, а также проекцией враждебности ребенка на этот половой акт, превращающей его в чрезвычайно пугающий образ.

Кляйн считала, что эдипов комплекс начинается на первом году жизни и что основное влияние на него оказывает отношение ребенка к груди. Фрустрации у груди, особенно отнятие от груди заставляют младенца повернуться к половому члену отца и осознать ситуацию треугольника. В свой ранний период творчества она рассматривала этот период как фазу максимального садизма. Считая, что именно фрустрация у груди инициирует эдипову ситуацию, она полагала также, что начало эдипова комплекса проходит, скорее, под эгидой ненависти, а не влечения и любви. На всем протяжении работы с детьми, описанной в книге «Психоанализ детей» (1932), а также в других работах она развивала и расширяла свое видение эдипова комплекса. В 1928 году она написала работу, специально посвященную этой теме: «Ранние стадии эдипова конфликта» (Klein, 1928).

К тому времени, когда она сформулировала концепцию депрессивной позиции, ее взгляды на эдипов комплекс претерпели серьезные изменения. Она установила взаимосвязь между эдиповым комплексом и депрессивной позицией. Постепенно возникающее отношение к матери как к целостному человеку подразумевает, что мать отделена от младенца и не находится под его контролем, что у нее есть своя жизнь, которая включает, прежде всего, отношения с отцом и все, что под этим подразумевается: чувства исключенности, зависти и ревности.

Но поскольку депрессивной позиции свойственна большая интеграция и ослабление параноидных тревог, любовь и забота постепенно начинают преобладать над ненавистью. Кляйн пришла к выводу, что начало эдипова комплекса связано не с фазой максимального садизма – от этой идеи ей пришлось отказаться, – но, напротив, с уменьшением садизма. Осознание амбивалентного отношения к обоим родителям и их взаимоотношениям несет в себе защитные реакции, в частности некоторый регресс к расщеплению и параноидным тревогам как защите от чувства вины. Но это осознание несет с собой и возвратные импульсы, цель которых – не только восстановление связи с грудью и матерью, но и восстановление хорошей родительской пары и хорошей семьи как единого целого.

В своей статье 1945 года «Эдипов комплекс в свете ранних тревог», которую мы приводим здесь (первая глава),

она ясно излагает, что изменилось в ее взглядах, и проясняет также, в чем именно ее взгляды отличаются от взглядов Фрейда. Это последняя ее статья по данной теме, хотя почти во всех своих последующих работах она продолжает обращаться к эдипову комплексу. Например, она писала:

«Способность младенца получать удовольствие от отношений к *обоим* родителям, каковая является важной особенностью его психической жизни и противоречит продиктованным ревностью и тревогой желанием разделить их, зиждется на его ощущении, что они отдельные люди. Это более целостное отношение к родителям (отличающееся от компульсивной потребности держать родителей порознь и не допускать их сексуальных отношений) подразумевает большее понимание их отношения друг к другу и является предпосылкой для появления у ребенка надежды на то, что он может свести их вместе и счастливым образом соединить» (Klein, 1952).

Значение и многообразие постепенных изменений, имеющих место в психической организации с наступлением депрессивной позиции, огромны. Они включают обнаружение амбивалентности, чувство потери, вины, различие внешней и внутренней реальности, способность к символизации и многое другое. Депрессивная позиция несет с собой не только изменение природы объектных отношений, но и значительное изменение всей психической деятельности.

Статья 1945 года была написана до создания основной

работы Кляйн «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» (1946), в которой она описывает параноидно-шизоидную позицию. Она так и не использовала в полном объеме идеи новых открытий для создания целостной теории эдипова комплекса. Но каждый раз отмечала важность этой первичной констелляции для эдиповой ситуации. Например, в работе «Зависть и благодарность» (Klein, 1957) она описывает пагубные последствия того, что не ревность, а зависть играет ведущую роль в эдиповом комплексе.

Три статьи, представленные во второй, третьей и четвертой главах, базируются на идеях, которые Кляйн изложила в общих чертах, а именно: связи между депрессивной позицией и эдиповым комплексом и в контексте этого существенного значения, которое имеет принятие, в конечном итоге, генитальной созидательной родительской пары, а также различие между поколениями и между полами.

Кляйн всегда подчеркивала важность установления хорошего отношения к груди и к матери, абсолютно необходимого в тот период, когда ребенку приходится выдерживать и перерабатывать эдиповы тревоги. С тех времен проделана большая работа, базирующаяся на основных идеях Кляйн. Открытие ею роли проективной идентификации при параноидно-шизоидной позиции получило развитие и привело к более детальному пониманию ранней патологии, особенно роли патологических форм проективной идентификации. Все три автора используют бионовское понятие контейнера

и контейнируемого в качестве прототипа восприятия и переживания отношений между родителями (Bion, 1962, 1963).

Бион расширил введенное Кляйн понятие проективной идентификации, с тем чтобы включить в него примитивное психическое общение и обмен. Младенец проецирует в грудь свою тревогу и зачаточные примитивные конкретные элементы (бета-элементы). Мать, способная к контейнированию проективной идентификации, бессознательно перерабатывает эти проекции и отвечает в соответствии с потребностью младенца. Когда это происходит, младенец способен вновь интроецировать свои проекции, видоизмененные пониманием; при этом он интроецирует грудь в качестве контейнера, способного содержать в себе тревогу и справляться с ней. Это формирует основу его собственной способности справляться с тревогой. Подобное видоизменение посредством понимания превращает бета-элементы в альфа-элементы более высокого уровня психического функционирования. Согласно Биону, хорошее отношение между контейнером и контейнируемым является основой таких будущих способностей, как символизация и мышление. Когда отношения серьезно нарушены либо материнским враждебным ответом, либо завистью младенца – обычно это сочетание того и другого, – то закладывается основа для будущего психотического расстройства.

Предметом интереса авторов данных трех глав являются примитивные формы эдипова комплекса, соединенная роди-

тельская фигура, роль проективной идентификации и примитивных психотических форм эдипова комплекса либо как регрессивной защиты, либо в силу того, что доэдиповы психотические процессы делают невозможным возникновение собственно эдиповой ситуации. Плохие отношения между контейнером и контейнируемым решающим образом влияют на начало эдипова комплекса. Б_\u0438\u043e\u043d (1970) полагал, что при хороших («сотрапезных») отношениях между контейнером и контейнируемым два объекта «делят третий с выгодой для всех троих». А плохие («паразитические») отношения «производят третьего, разрушительного для всех троих».

Как я понимаю, младенец, для того чтобы сохранить удовлетворительное отношение к груди, отщепляет плохие свойства как груди, так и себя и создает плохую третью фигуру. Отцовский член является идеальным контейнером для таких проекций. Во всех трех главах описываются пациенты, чья фантазийная жизнь находится во власти таких плохих фигур, и их вторжение ощущается как катастрофа для отношений между ребенком и матерью. Механизмы расщепления также очевидны. В первой главе Мелани Кляйн описывает, как у Ричарда раннее расщепление груди влияет на его эдипов комплекс. Он расщеплен между матерью с идеальной грудью, плохим отцом и плохой генитальной матерью, содержащей в себе отца. Тем не менее данные расщепления и проекции скорее напоминают регресс к более нормальной параноидно-шизоидной позиции, чем в случае с более нару-

шенными пациентами, представленными Бриттоном, Фельдманом и О'Шонесси. О'Шонесси описывает особый род расщепления, названный ею «разрывание» родительской пары, являющийся нападением на ее гетеросексуальные прокреативные свойства. Пара разбивается или разрывается на две сексуальные половины: садистический фаллос и ослабленную мазохистическую женскую часть, и в фантазии создается ощущение, что каждая половина готова к гомосексуальному союзу против другой. Это расщепление, исполненное гораздо большего насилия, чем описанное Кляйн в материале Ричарда.

Все три автора, в особенности доктор Фельдман, демонстрируют, каким образом фантазии пациента, касающиеся природы родительских отношений, не только влияют на качество его объектных отношений и природу его тревог и защит, но оказывают серьезное влияние на его мышление. Доктор Фельдман показывает, как то, каким образом родительская пара объединяется в фантазиях пациента, особенно то, соединяются они для жизни и удовольствия или деструктивно, определяет его отношение к тому, что его собственные мысли оказываются вместе в его голове. В процессе мышления необходимо установление связей, включая и связи между родителями, и это как раз то, чего не могут выдерживать пациенты с нарушениями в ранней эдиповой ситуации. Это видно на примере пациентки доктора Бриттона, которая ощущает мысли аналитика как родительское сово-

купление и кричит: «Остановите эти траханные мысли!»

С начала работы с детьми Мелани Кляйн интересовали эпистимофилические влечения. Она связывала их с побуждением исследовать материнское тело и проводила связь между отставанием в учебе и параноидными тревогами по поводу материнского тела. Авторы трех глав, представленных здесь, подчеркивают связь между эпистимофилическими влечениями и открытием родительских сексуальных отношений.

Доктор Бриттон интересно формулирует эдипов треугольник в депрессивной позиции, а именно как особое психическое пространство внутри границ этого треугольника. В этом психическом пространстве ребенок может поддерживать разные отношения с каждым родителем в противоположность примитивному отношению к соединенной родительской фигуре; одновременно он признает, что родители существуют как пара, и он из нее исключен, наличие такого психического пространства базисно обуславливает свободу психических процессов. Согласно доктору Бриттону, это психическое пространство является расширением первичных отношений между контейнером и контейнируемым, как это описывал Би-он. Несомненно, первичные отношения между контейнером и контейнируемым являются основой более позднего концепта отношений между мужским половым членом и влагалищем. Существует, однако, существенное различие. В первом случае ребенок является участником

и бенефициарием этих отношений. Признание родительской пары ставит его лицом к лицу с хорошими отношениями контейнируемый—контейнирующий, из которых он исключен. Он оказывается один на один с отдельностью и разделенностью, являющимися частью процесса переработки депрессивной позиции. Это ставит его также перед осознанием того, что природа связи между родителями отлична от отношений ребенка к родителям и недоступна для него сейчас. Это интересное продолжение идеи Биона и новая точка зрения на важные изменения в психической деятельности, имеющие место в депрессивной позиции.

Хотелось бы сделать одно дополнение к идее, высказанной доктором Бриттоном. Важной частью различия между отношением младенца к родителям и их отношениями является не только то, что родители дают друг другу генитальное удовлетворение, а также – и, полагаю, это существенно – тот факт, что родительское совокупление ведет к созданию нового ребенка. Это всегда присутствует в фантазии, пусть даже в действительности нет нового сиблинга. Когда я думаю о треугольнике доктора Бриттона, которым очерчено пространство, где между ребенком и двумя родителями могут создаваться различные связи, я думаю, что в этом пространстве есть место для нового ребенка. Если новый ребенок внутри матери, как в случае маленького пациента миссис О’Шонесси, появляется до того, как такое пространство могло сформироваться, и во время, когда малыш еще находится

в сильной власти фантазии о возвращении назад внутрь матери, легко может возникнуть психотическое расстройство.

Все три главы опираются на те центральные идеи, которые впервые выдвинула Кляйн. Но при этом показывают значительное развитие и совершенствование ее базисных идей. Например, хотя наличие примитивных и психотических форм эдипова комплекса было установлено Кляйн, в представленных главах видно, какая большая работа была проделана по клиническому изучению этих ранних явлений. Они показывают также значительный прогресс в понимании влияния, которое оказывают эти ранние процессы и фантазии на такую психическую деятельность, как восприятие и мышление. Во всех главах речь идет о нарушениях процесса мышления.

Во всех трех главах также уделяется внимание технике, и это именно та область, где развитие, происшедшее со времен Кляйн, впечатляет, пожалуй, больше всего. Во всех главах придается значение влиянию, которое оказывают примитивные отыгрывания во время психоаналитических сессий. В них описывается постоянное принуждение к тому, чтобы аналитик исполнял роль в первичной эдиповой драме, а также потенциально разрушительное действие на мышление самого аналитика. В психоанализе теория и техника тесно взаимосвязаны. Именно клинический и технический вызов, брошенный психоаналитику, приводит его к изменению и усовершенствованию своих теоретических представлений,

и это тот путь, который дает развитие психоаналитической теории. Я думаю, представленные здесь главы являются свидетельством непрекращающейся жизнеспособности и развития идей Фрейда и Кляйн.

Глава 1

Эдипов комплекс в свете ранних тревог (1945)

Мелани Кляйн

Введение

Первая публикация:

1945: The Oedipus complex in the light of early anxieties // *International Journal of Psychoanalysis*. 1945. V. 26. P. 11–33.

Полезные пояснительные замечания к этой статье были написаны Э. О’Шонесси (O’Shaughnessy, 1975).

Представляя данную работу, я преследую две цели. Я намереваюсь выделить несколько типичных ранних ситуаций тревоги и показать их связь с эдиповым комплексом. Поскольку эти тревоги и защиты являются частью инфантильной депрессивной позиции, как я ее понимаю, я надеюсь пролить свет на связь между депрессивной позицией и либидинозным развитием. Вторая моя цель – сравнить мои выводы об эдиповом комплексе со взглядами Фрейда на этот вопрос.

Свои доводы я проиллюстрирую короткими отрывками из

двух случаев. В отношении обоих случаев можно было бы привести большое количество деталей как о взаимоотношениях в семье пациентов, так и об использованной технике. Однако я ограничусь наиболее существенными с точки зрения рассматриваемого вопроса деталями материала.

Оба ребенка, чьи случаи я буду описывать для иллюстрации своих доводов, серьезно страдали от эмоциональных трудностей. Используя такой материал в качестве основы для выводов о нормальном ходе эдипова развития, я следую методу, уже апробированному психоанализом. Во многих своих работах Фрейд утвердил такого рода подход. Например, в одном месте он говорит: «...Нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения, которые без этого ускользнули бы от нас»¹.

---

¹ *Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (1933a [1932]) // G. W. Bd. XV. (S. E. Vol. 22. P. 121.)*

Отрывки из истории случая, иллюстрирующие Эдипово развитие мальчика

Материалы, которыми я буду иллюстрировать свои взгляды на Эдипово развитие, взяты из истории анализа мальчика десяти лет.

Его родители были вынуждены обратиться за помощью, поскольку ряд его симптомов развился настолько, что он не мог посещать школу. Он очень сильно боялся детей и из-за этого все больше и больше избегал ходить один. Кроме того, его родителей сильно волновало прогрессирующее на протяжении нескольких лет торможение его способностей и интересов. Вдобавок к этим симптомам, не позволявшим ему учиться в школе, он был чрезмерно озабочен своим здоровьем, что зачастую становилось предметом депрессивных настроений. Эти трудности отразились на его внешности, выглядел он весьма обеспокоенным и несчастным. Временами, однако, во время аналитических сессий депрессия исчезала, и тогда внезапная жизнь и искра появлялись в его глазах и совершенно меняли его лицо – это было удивительно.

Ричард был одаренным ребенком, во многом развитым не по годам. Он был очень музыкальным, что проявилось уже в раннем возрасте. Чрезвычайно любил природу, но толь-

ко в ее лучших проявлениях. Его артистические наклонности сказывались, например, в подборе слов и в чувстве драматизма, что оживляло его беседу. Он не мог найти общий язык с детьми, но прекрасно общался со взрослыми, особенно с женщинами. Он старался произвести на них впечатление своими способностями вести беседу и снискать их расположение вполне взрослым поведением.

Период грудного вскармливания Ричарда был коротким и неудовлетворительным. Он всегда был слабым ребенком, с младенчества страдал от простуд и болезней. Он перенес две операции (обрезание и удаление миндалин) между двумя и шестью годами. Семья жила в скромных, но комфортабельных условиях. Атмосфера в доме была не совсем счастливая. Был определенный недостаток тепла и общих интересов между его родителями, хотя явных проблем не было. Ричард был вторым из двух детей, его брат на несколько лет старше. Его мать, хотя и не больная в клиническом смысле, депрессивного типа. Она очень беспокоилась по поводу любых болезней Ричарда, не было сомнений, что ее установка способствовала его ипохондрическим страхам. Ее отношение к Ричарду в некоторых отношениях было неудовлетворительным; в то время как старший брат преуспевал в школе и получал большую часть материнской любви, Ричард, скорее, вызывал у нее разочарование. Хотя он был предан ей, с ним было крайне трудно. У него не было интересов и хобби, которыми он мог бы занять себя. Он был чрезмерно тревож-

ным и любящим по отношению к своей матери, цеплялся за нее и утомлял ее своей настойчивостью.

Его мать расточала на него огромную заботу и в некоторых отношениях баловала его, но по-настоящему не ценила менее явные стороны его характера, такие как огромную врожденную способность к любви и доброте. Она не могла понять, что ребенок очень сильно ее любит, и сомневалась в его будущем развитии. В то же время она была терпеливой, общаясь с ним, например, она не предпринимала попыток заставить его играть с другими детьми или ходить в школу.

Отец Ричарда любил его и был добр к нему, но, казалось, всю ответственность за воспитание мальчика переложил на мать. Как показал анализ, Ричард считал, что отец слишком терпелив по отношению к нему и слишком мало проявляет свой авторитет в семейном кругу. Старший брат в основном был дружелюбным и терпеливым с Ричардом, однако у мальчиков было очень мало общего.

Начало войны весьма существенно усилило трудности Ричарда. Он был эвакуирован со своей матерью, с целью анализа они переехали в маленький городок, где я жила в то время, брата же отправили с его школой. Отъезд из дома очень расстроил Ричарда. Кроме того, война пробудила все его тревоги, особенно он пугался воздушных налетов и бомб. Он внимательно слушал все новости и проявлял огромный интерес к изменениям в военной ситуации, и в ходе анализа эта озабоченность всплывала вновь и вновь.

Несмотря на трудности в семейной ситуации, равно как и серьезные трудности в ранней истории Ричарда, на мой взгляд, тяжесть его болезни нельзя объяснить только этими обстоятельствами. Как и в любом случае, мы должны принять во внимание внутренние процессы, проистекающие из конституциональных факторов, а также факторов окружающей среды и взаимодействующие с ними. Однако я не в состоянии здесь подробно рассматривать все эти взаимодействия. Я ограничусь тем, что покажу влияние определенных ранних тревог на генитальное развитие.

Анализ проводился в маленьком городке недалеко от Лондона, в доме, владельцы которого в то время отсутствовали. В нашем распоряжении была не такая игровая комната, которую я бы выбрала, мне не удалось убрать некоторые книги, картины, карты и т. д. У Ричарда было особое, почти личное отношение к этой комнате и к дому, который он идентифицировал со мною. К примеру, он часто с любовью говорил о нем и обращался к нему, говорил ему «до свидания» прежде, чем уйти в конце сеанса, а иногда с особой заботой расставлял мебель, что, как он считал, делало комнату «счастливой».

В ходе анализа Ричард нарисовал несколько рисунков².

---

² Прилагаемые репродукции срисованы с оригиналов и несколько уменьшены в размерах. Оригиналы были нарисованы карандашом и раскрашены цветными мелками. По возможности различные цвета обозначены разной маркировкой. На рисунке 3 подводные лодки должны быть черного цвета, флаги – красного, а рыбки и морская звезда – желтого.

Первое, что он нарисовал, была морская звезда, парящая около растения под водой, он объяснил мне, что это голодный ребенок, который хочет съесть растение. День или два спустя в его рисунках появился осьминог с человеческим лицом, гораздо больше морской звезды. Этот осьминог репрезентировал его отца и отцовские гениталии в аспекте опасности и позднее бессознательно был приравнен к «монстру», с которым мы еще встретимся в данном материале. Рыбоподобная форма вскоре привела к рисунку, составленному из различных цветных секций. Четыре основных цвета в этом типе рисунка – черный, голубой, пурпурный и красный – символизировали его отца, мать, брата и его самого соответственно. В одном из первых рисунков, в котором были использованы эти четыре цвета, он представил черное и красное карандашами, марширующими по направлению к рисунку с сопровождающими шумами. Он объяснил, что черный – это его отец, и сопровождал движение карандаша имитацией звука марширующих солдат. Следом шел красный, и Ричард сказал, что это он сам, и, пододвигая карандаш, запел веселую мелодию. Раскрашивая голубые секции, он сказал, что это его мать, а заполняя пурпурные секции, сказал, что его брат очень милый и помогает ему.

Рисунок представлял империю, разные секции обозначали разные страны. Важно, что его интерес к военным событиям сыграл значительную роль в его ассоциациях. Он часто обращал свой взор на карту и смотрел на страны, захвачен-

ные Гитлером; была очевидна связь между странами на карте и его собственной империей на рисунках. Рисунки империи репрезентировали мать, которую захватывали и атаквали. Отец обычно оказывался врагом; Ричард же и его брат фигурировали на рисунках в разных ролях, иногда как союзники матери, иногда как союзники отца.

Эти схематичные рисунки, похожие на первый взгляд, сильно варьировались в деталях – вообще, не было двух совершенно одинаковых. Значимым было то, как он выполнял эти рисунки или по какому поводу было сделано большинство из них. Он начинал без определенного плана и зачастую удивлялся, увидев конечный рисунок.

Он использовал различные виды игрового материала, например, карандаши или цветные карандаши, которыми он выполнял свои рисунки, в его игре представляли людей. Вдобавок он принес собственных игрушечных овец, две из которых всегда обозначали его родителей, тогда как другие овцы играли разные роли.

В целях изложения я ограничила выбор материала несколькими примерами, по большей части взятыми из шести аналитических сеансов. На этих сеансах – отчасти по внешним обстоятельствам, которые я буду обсуждать позднее, – на какое-то время усилились определенные тревоги. Они были уменьшены интерпретацией, и произошедшие изменения пролили свет на влияние ранних тревог на генитальное развитие. Эти изменения, которые были лишь ша-

гом к более полной генитальности и стабильности, ранее уже были предсказаны в анализе Ричарда.

Что касается интерпретаций, представленных в данной работе, само собой разумеется, я выбрала наиболее подходящие к изучаемому вопросу. Я буду пояснять, какие интерпретации были даны самим пациентом. В дополнение к интерпретациям, которые я давала пациенту, работа содержит ряд выводов по материалу, и я не буду каждый раз проводить различие между этими двумя категориями. Последовательное разграничение такого рода потребует большого количества повторений и затуманит основные результаты.

Ранние тревоги, препятствующие Эдипову развитию

За отправную точку я возьму момент возобновления анализа после перерыва в десять дней. К тому времени анализ продолжался шесть недель. Во время перерыва я находилась в Лондоне, а у Ричарда были каникулы. Он никогда не был свидетелем воздушных налетов, и эти страхи были у него связаны с Лондоном как с наиболее опасным местом. Поэтому он считал, что для меня поездка в Лондон означает разрушение и смерть. Это прибавилось к тревоге, возникшей у него из-за прерывания анализа.

Вернувшись, я нашла Ричарда очень обеспокоенным, он был в депрессии. На протяжении всего первого сеанса он практически не смотрел на меня и либо сидел неподвижно в кресле, не поднимая глаз, либо беспокойно выходил в прилегающую кухню и сад. Несмотря на выраженное сопротивление, он все-таки задал мне несколько вопросов: «Много ли я видела „разрушений“ в Лондоне? Были ли воздушные налеты в то время, когда я была там? Был ли в Лондоне грозовой дождь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.